

СКАЗОЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА И НАРОДОВЕДЧЕСКИЕ ИДЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В статье анализируются сказки А.С. Пушкина, а также сказочные образы пролога к поэме «Руслан и Людмила». Подчеркивается, что интерес А.С. Пушкина к фольклору и славянским языческим верованиям был обусловлен влиянием философии народности Г.И Гердера и эстетикой романтизма. Отмечается, что А.С. Пушкин использовал «бродячие сюжеты», которые послужили не только основой для его сказок, но и для воссоздания славянской мифологии. Доказывается, что сказочное творчество А.С. Пушкина предвосхищало и подготавливало появление в России мифологической литературоведческой школы

The article analyzes A.S. Pushkin's tales, as well as fabulous images of the prologue to his poem «Ruslan and Lyudmila». It is noted that Pushkin used «roving stories» as sources for his tales and designed Slavic mythology. It is proved that the fabulous work of Pushkin prepared the birth of Russian mythological literary school.

Становление народоведения как важнейшей отрасли историко-филологической науки обычно связывают с актуализацией проблемы самобытности, которая с определенной долей остроты вставала перед каждой национальной литературой в эпоху романтизма. Действительно, интерес к народным сказкам, легендам, сказаниям, образам, фольклорным и языческим обрядам в этот период оказался не только благодатной почвой для создания оригинальных художественных произведений, но и являлся средством национального самопознания.

В России изучение фольклора, национальной мифологии, бытовых традиций народа также было связано с литературно-художественной практикой романтизма начала XIX в. – с первыми попытками создать самобытную русскую литературу. Как отмечал Д.Н. Пыпин, «нужен был идеал, и этого идеала стал искать в полузабытой старине, из которой можно было извлечь по желанию образец добродетели и мудрости, забыв образцы пороков и невежества» [6, с. 111]

Проблема национальной самобытности, которую русская литература решала еще в первой четверти XVIII в., обусловила интерес к народным сказкам, легендам, сказаниям, образам, языческим обрядам. В связи с этим нельзя не признать значение русской художественной литературы, собиравшей и по-своему переосмысливавшей национально-фольклорный материал, что во многом предвосхитило и идеи, и способы анализа Ф.И. Буслаева и А.Н. Афанасьева.

История сосуществования русского язычества и художественной литературы началась в 1760–1770 гг., когда в моду вошли подражания народным песням или сказкам. Такие произведения писали А.П. Сумароков и Г.Р. Державин, А.Н. Радищев и Н.М. Карамзин. Тогда же вышли в свет «Русские сказки» В. Левшина, «Старинные диковинки» М. Попова, «Пересмешник» М. Чулкова, произведения, основанные на сказаниях о русских богатырях-язычниках. Этот первый опыт литературно-художественной интерпретации русского фольклорного материала предопределил появление «Руслана и Людмилы», «Сказок» и «Песни о вещем Олеге» А.С. Пушкина, где национальные мифологические традиции получили новую жизнь.

Однако пушкинские произведения имели весьма существенное отличие от предыдущих попыток художественного освоения фольклорно-языческих образов и сюжетов. Пушкин стал первым, кто увидел в фольклоре не экзотику, а живую душу народа. Еще в 1826 г. в «Набросках о народности литературы» он писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [5. Т. 6, с. 238].

Это высказывание свидетельствует о том, Пушкину были хорошо известны работы немецкого философа Г.И. Гердера о народности. Кстати, среди разнородного круга чтения героя своей поэмы «Евгений Онегин» Пушкин указал и имя автора «Идей о философии истории человечества». В данном же случае Пушкин фактически повторил мысль Гердера о том, что народное творчество есть отражение картины мира, системы ценностей и идеалов, истории и философии, нравов и обычаев определенной нации, а также ее различных социальных слоев. «Песни – это архив народов, – писал Гердер, – сокровищница их науки и религии, их теогонии и космогонии, деяний отцов и событий их истории, отпечаток их сердца, картина их домашней жизни в их радости и горе, на брачном ложе и на смертном одре. В ней (песне. – М.Ч.) они воплощают себя, выступают такими, какие они есть. Воинственный народ воспевае подвиги, нежный воспевае любовь. Сметливый народ слагает загадки, народ, обладающий воображением – аллегорий, притчи, живые картины» [4, с. 68].

Под влиянием теории Гердера Пушкин ранее других нашел в языке и мифологии зарождение и развитие тех начал, которые определяют народное мировоззрение и, как точно заметил М.К. Азадовский, «нравственное бытие народа» [1]. Поэт на несколько десятилетий опередил Буслаева, который обосновал

важнейший для школы русских мифологов тезис о том, что народное мировоззрение, народная мораль проявляются впервые очередь в языке и в мифологии, а народная поэзия есть выражение нравственного идеала народа [3].

Со слов Арины Родионовны Пушкин записал семь народных сказок: «Некоторый царь задумал жениться», «Некоторый царь ехал на войну», «Поп поехал искать работника», «Царь Кашей бессмертный», «Слепой царь не веровал своей жене», «О святках молодые люди играют игрища» и «Царевна заблудилась в лесу». Но, помимо услышанных в Михайловском народных сказок, источниками пушкинских произведений явились также восточные и немецкие сказки, собранные братьями Гримм. Общность сюжетов, образов и духовного строя позволила Пушкину соединить фольклорно-мифологический материал разных народов и создать «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях». А «Сказка о царе Салтане...» имеет сразу несколько источников: это сложное сочетание мотивов русского и западноевропейского фольклора.

Сказочное творчество Пушкина явилось художественным осмыслением идеи о «бродячих сюжетах», что позволило ему использовать компаративистские принципы сравнительно-исторического подхода мифологической литературоведческой школы задолго до ее появления в России.

Пушкин хорошо знал, что многие сказочные сюжеты или отдельные мотивы существуют в устном народном творчестве разных народов, переходят, видоизменяясь, от одного к другому. Поэтому он брал, когда это было нужно, те или иные мотивы, детали сюжета из иноязычного фольклора, без труда превращая их в подлинно русские. Ярким примером тому является «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», в которой неискушенному читателю вряд ли придет в голову искать мотивы немецкой сказки «Белоснежка и семь гномов».

Одним из самых значительных достижений русской мифологической литературоведческой школы стал фундаментальный труд Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» (1866–1869 гг.), где ученый восстановил целостную картину мифологических представлений славян – космогонические, тотемические, анимистические, а также демонологические, то есть представления о разнообразных духах, населяющих окружающий человека мир (образы лешего, водяного, русалки, домового, кикиморы, ведьмы и др.) [2].

Однако пролог к поэме «Руслан и Людмила» тоже можно назвать художественным исследованием народной волшебной сказки. Мозаичность и механическое перечисление в прологе сказок и сказочных персонажей – лишь кажущиеся. В целом пролог рисует некий чудесный, фантастический, волшебный, мифологический славянский мир.

В конспективной записи Пушкина народной сказки «О царе Салтане...», рассказанной ему Ариной Родионовной, имеются такие слова: «У моря луко-

морья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет – сказки сказывает, вниз идет – песни поет» [5. Т.3, с. 426]. Именно из этих слов сперва родился эпиграф к тетради, в которой были записаны сказки, а затем пролог к поэме «Руслан и Людмила», написанный в Михайловском и вошедший во 2-ое издание поэмы в 1828 г.

Дуб зеленый – это первое славянское название дерева вообще. С этим связано появление таких слов, как «дубинка», «дубрава». Но дуб еще и священное дерево, под которым совершались ритуалы, обращенные к языческому богу. Это «перуново» дерево. Считалось, что сам Перун-громовержец обитает на его вершине. Дубу приписывались и функции мирового дерева. Древние славяне представляли мировое дерево в центре вселенной или на окраине, то есть «у лукоморья», где оно упирается макушкой в небеса, а корнями достигает царства мертвых. Мировое дерево составляет своеобразную «ось» мифического пространства и как середина мира относится к месту порядка, уравновешенности и блага, т. е. «золотой середине».

В образе кота Баюна соединились черты сказочного чудовища и птицы, обладающей волшебным голосом. В сказках говорится о том, что кот Баюн сидит на высоком железном столбе и каждого, кто пытается подойти к нему, обессиливает песнями и заклинаниями. Чтобы захватить волшебного кота, Иван-царевич надевает железный колпак и железные рукавицы. Поймав животное, Иван-царевич доставляет его во дворец, где кот своими сказками исцеляет его отца. Однако источником первых шести строк пролога является формула из сказки «Чудесные дети». Пушкин был знаком с разными национальными версиями этой сказки, известной у всех народов мира, но только в восточнославянской версии имсется образ кота-баюна, закрепленный поэтической формулой.

Главное слово «сказка», завершающее первый период, в дальнейшем тексте превращается в стержневое «там», которое многократно повторяется и скрепляет композицию пролога: «Там чудеса: там леший бродит. Русалка на ветвях сидит...». Но сказочный мир пролога из своего необъятного «там» вновь и вновь возвращается к конкретным картинам: выходу витязей из морских вод, к царевне в темнице, которой служит «бурый волк». Причем «бурый волк» – это устойчивое сочетание в народном языке Псковской области, где услышал Пушкин сказку. «Бурый» в данном случае означает «серый, темный».

В славянской мифологии волк, как и медведь, были почитаемыми животными. Волк наделен даром всеведения, считался пожирателем злых духов, помощником героям сказок и хранителем брачного чертога.

И, наконец, «... царь Кашей над златом чахнет...». Это персонаж демонической природы, владыка «темного царства», царства мертвых. Оно нередко называлось «кощное царство». Как и змей, Кашей играет роль скупого хранителя сокровищ и похитителя земных красавиц.

Баба Яга изначально – прародительница, очень древнее положительное божество, хранительница рода и традиций, детей и околodomашнего, часто лес-

ного пространства. Постепенно строгая хранительница рода и традиций превратилась в злобную старуху. Во времена борьбы с язычеством ей были даны уродливые черты, характер злобного демона. Но сказки про Бабу Ягу сохраняют древнее представление о ней как помощнице, которая нередко выводит героев из затруднительного положения.

Последняя строчка пролога «Там русский дух... там Русью пахнет!» звучит как итог, звучит гордо. У Пушкина «русский дух» – это духовный мир Руси. Фактически Пушкин конструировал славянскую мифологию, и тем самым сформулировал вполне понятную и цельную систему не только народных верований, но и языческого мировоззрения древних славян. С одной стороны, эта система стала восприниматься как специфическая культурная область, отделенная от новой русской литературы и современной русской жизни. Как заметил Азадовский, «просветительское отношение к фольклору как к остаткам невежественной старины или проявлению народного бескультурья уступает место признанию его эстетического и этического значения и совершенства» [1, с. 43]. А с другой, – появление мифо-сказочного предания, так или иначе связанного с историческими изысканиями эпохи, повлекло за собой создание нового мифа, под знаком которого русская культура войдет в XIX в. – мифа о русском народе как носителе уникальных идеалов, хранителе уникальных ценностей, имевшего собственный путь, с которого его отвернули Петровские реформы.

Список литературы

1. Азадовский, М.К. Статьи о литературе и фольклоре / М.К. Азадовский – Москва – Ленинград : Художественная литература, 1960 – 548 с.
2. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. – Москва : Современный писатель, 1995.
3. Буслаев, Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство / Ф.И. Буслаев – Санкт-Петербург : Лига Плюс, 2001 – 352 с.
4. Гердер, Г.И. Идеи к философии истории человечества (Памятники исторической мысли) / Г.И. Гердер – Москва : Наука, 1977. – 705 с.
5. Пушкин, А.С. Собр. соч. : в 10 т. / А.С. Пушкин – Москва : Художественная литература, 1974–1978.
6. Пыпин, А.Н. История русской литературы : в 4 т. Т. III / А.Н. Пыпин. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1899 – 549 с.